

**СЫСКОЕ АГЕНТСТВО
МАКСА ВУНДЕРЛИХА**

ЗАГАДОЧНОЕ
УБИЙСТВО
В ЭРФУРТЕ

ОЛЛАРД
БИБЕР

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б59

Бибер, Оллард.

Б59 Загадочное убийство в Эрфурте / Оллард Бибер. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Сыскное агентство Макса Вундерлиха. Лучшее, чем немецкий детектив).

ISBN 978-5-04-169020-5

Ранним утром на окраине Эрфурта обнаружен труп сорокалетнего мужчины. Прибывший на место преступления инспектор полиции вскоре устанавливает, что убийство произошло вовсе не тут, а внешность убитого полностью соответствует описанию пропавшего некоторое время назад Вальтера Обермана.

Догадки инспектора подтвердились: прибывшая из Франкфурта Гизела — жена Вальтера — опознала труп.

Частный сыщик Макс Вундерлих выясняет, что причиной убийства Вальтера стал старинный медальон, когда-то принадлежащий его прабабке — баронессе Эльвире фон Штразен. За медальоном тянулся шлейф таких мрачных тайн, что любая них могла спровоцировать преступление.

Но едва сыщик начал приближаться к их разгадке, убийства возобновились с холодной юридической методичностью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бибер О., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-169020-5

Возможные совпадения имен и названий в этом романе с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Истоки многих преступлений лежат в событиях, порой весьма далеких от самого преступления как во времени, так и в пространстве.

В последнее воскресенье июля тысяча девятьсот тридцать восьмого года немногочисленные обитатели имения Лихтенберг, расположенного в Тюрингии в окрестностях Айзенаха, собрались возле спальни баронессы Эльвиры фон Штразен. Баронесса была тяжело больна. Только что от нее вышел доктор господин Вольфганг Штиф. По его скорбному лицу собравшимся стало понятно, что в данном случае медицина бессильна. Доктор шмыгнул носом и, глядя куда-то в сторону, сказал:

— Господа, можно прощаться...

Первым в спальню отправился приехавший из Ваймара единственный родной брат баронессы Адольф Гринберг. Он плотно прикрыл за собой дверь спальни, и это выглядело так, будто господин Гринберг приехал не для того, чтобы в последний раз взглянуть на умирающую сестру и услышать от нее несколько напутственных слов, а намерен обсудить с ней важный деловой вопрос. Однако он довольно скоро покинул спальню. Лицо его было хмурым, а на щеках были красные пятна. Не глядя на собравшихся, он буркнул:

— Карл, она просила позвать тебя.

Барон Карл фон Штразен, единственный сын умирающей, бросил взгляд на дядю, вздохнул и вошел в спальню матери.

Она лежала на той же постели, которую еще три года назад делила с отцом Карла бароном Зигфридом фон Штразенем. Мать была мертвенно-бледна и тяжело дышала. Высушенные болезнью когда-то полные щеки глубоко запали, обозначив кости лица. Она попыталась улыбнуться Карлу, но из этого ничего не вышло. Вместо улыбки сын увидел на ее лице незнакомую жалкую гримасу. Мать смогла лишь сказать:

— Карл, подойди, пожалуйста, поближе.

Сын подошел и сел на стоявший возле кровати старинный стул с мягким темно-красным сиденьем. Он взял руку матери двумя руками и молча посмотрел на нее. В глазах его стояли слезы.

— Ну вот, — сказала умирающая, — совсем ненадолго я пережила Зигфрида. Скоро я встречу с ним...

После этих слов слезы покатались по щекам сына. Баронесса сказала:

— А вот этого не надо, Карл... Вспомни, как не любил отец, когда ты плакал в детстве. Мы все придем туда...

Карл быстро достал платок и утер глаза.

— Я слушаю, мама.

Баронесса высвободила руку, которую он держал, и, чуть приподнявшись (сын поддержал ее при этом), запустила ее под матрас. Немного повозившись там, она извлекла из-под матраса медальон и протянула его Карлу. Он взял из рук матери вещь и стал ее рассматривать. Медальон был самым обычным, не золотым и даже не серебряным, но чувствовалась работа хорошего старинного мастера. В него была вставлена маленькая фотография покойного отца. Карл недоуменно взглянул на мать и сказал:

— Да, мама...

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Этот медальон достался мне от моей матери. Карл, это единственное, что я могу тебе передать...

— Как же, мама... А наше имение?

— Имение само собой разумеется. Ты унаследуешь его, но оно досталось нам от твоего отца, а медальон — это то, что принадлежит лично мне.

— Я сохранию его, мама, а когда наступит мой час, передам его своей дочери, — сказал сын, продолжая недоумевать.

Баронесса откинулась на подушку и, собрав силы, быстро заговорила:

— Подожди, Карлуша, я еще не все сказала... Это не просто медальон, с ним связана одна таинственная история...

Мать вдруг замолчала, собираясь с силами. Карл напряженно ждал, стараясь почти не дышать, чтобы не пропустить ни одного даже самого слабого звука, который могла бы издать покидающая этот мир мать. Внезапно грудь баронессы высоко поднялась, она захрипела, глаза ее закатились. Карл подхватил ее голову в надежде еще что-то услышать, но баронесса испустила дух. Он не пытался более сдерживать слезы. Зажав медальон в потной руке, Карл вышел из спальни и сквозь рыдания произнес:

— Мама умерла.

Стоявший в стороне ото всех дядя Адольф впился взглядом в руку Карла, сжимающую медальон. На лбу Адольфа выступила испарина, он до хруста в костяшках сжал пальцы рук. Колени его задрожали, и, чтобы унять внезапную дрожь, он непроизвольно начал топтаться на месте.

Ничего этого обезумевший от горя Карл, разумеется, не заметил. Будучи не в силах оставаться среди собрав-

шихся, он бегом поднялся по лестнице в свою комнату, чтобы там дать волю чувствам.

Всхлипывающие родственники и прислуга робко потянулись в спальню и выстроились вокруг постели умершей. Ближе всех к изголовью стояли супруга Карла баронесса Инга фон Штразен и их трехлетняя дочь Клара.

2

Лагерь Бюдерих, в котором оказался обер-лейтенант Карл фон Штразен, мало чем отличался от других подобных примерно двадцати лагерей, временно организованных американцами для размещения пленных солдат вермахта, число которых к июню тысяча девятьсот сорок пятого года достигло огромной величины. Общим признаком лагерей было то, что все они были расположены вдоль западного берега Рейна и занимали площади так называемых рейнских лугов — поросших травой безлесных участков земли, используемых в мирное время под пастбища для овец и для других нужд сельскохозяйственного назначения. Делала лагерь похожими друг на друга и простота их сооружения — лишенный леса участок земли просто огораживался колючей проволокой, за которой находились заключенные, а снаружи располагались нехитрые временные постройки для лагерной администрации. Характерной особенностью лагерей было то, что для пленных не предусматривались бараки или иные места для ночлега — заключенные находились под открытым небом и «ночевали» в самостоятельно отрытых при помощи подобранных здесь же, на лугу, консервных банок или других подходящих предметов ямах. Условия пребывания в лагерях и питание были ужасающими, и ежедневные смерти пленных были рядовыми событиями.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

Лагерь Бюдерих отличался от остальных тем, что входил в первую пятерку лагерей, где смертность превышала средние показатели.

Рано утром в начале июня обер-лейтенант Карл фон Штразен стоял вблизи проволочного ограждения в длинной веренице бывших солдат вермахта, которые все как один были с ввалившимися грязными небритыми щеками и взглядами, не выражающими ничего, кроме смертной тоски.

Это была очередь за получением завтрака, на который сегодня кроме традиционного кипятка полагался кусок белого американского хлеба. Такой хлеб давали не каждый день, поэтому большинство заключенных съедали его, едва отойдя от американской полевой кухни, где готовился официально называемый супом кипятком с добавлением итальянской томатной пасты.

Обер-лейтенант Карл фон Штразен, как и остальные, грязными руками запихивал в рот хлеб, запивая его кипятком. Хлеб был уничтожен за секунды, и Карл заковылял к своей яме, иногда останавливаясь, чтобы передохнуть и приложиться к солдатскому котелку с кипятком. Он прыгнул в яму, стараясь не ступить на раненую ногу, снял с себя шинель, расстелил ее так, чтобы часть ее легла на дно ямы, другая же прикрыла ее стенку, и сел. Он знал, что сидеть придется недолго, так как скоро объявят сбор для ежедневной утренней переклички. Карл стремился беречь неумолимо покидавшие его силы. Всем своим существом он чувствовал, что скоро умрет. В то утро ощущение близкой смерти было особенно острым.

После переклички он вернулся к своей яме. Солнце стояло уже высоко и нещадно палило. Карл выбрал в яме участок, где солнце светило меньше, и опустился

на ее дно. Затем прикрыл глаза. Посидев так немного, он извлек из нагрудного кармана кителя все, что не было отобрано охраной при приеме в лагерь.

Это были фотоснимок, сделанный в сорок втором году, перед самым уходом Карла на Западный фронт, и медальон, подаренный покойной матерью за минуту до ее смерти.

На фотоснимке были супруга Карла Инга фон Штразен и их семилетняя дочь Клара. Инга сидела на стуле, сложив руки на коленях, а Клара стояла, положив правую руку на плечо матери. Вместо фото отца теперь в обрамление медальона была вставлена маленькая фотография супруги. Карл смотрел на милые сердцу лица, и по щекам его катились слезы — то ли оттого, что он не рассчитывал больше увидеть их и мысленно прощался с ними, то ли просто от физической немощи.

Была еще одна причина, по которой Карл фон Штразен достал из кармана последнее, что у него было.

Он вспоминал тот день в конце мая тысяча девятьсот сорок четвертого, незадолго до высадки англо-американских войск в Нормандии, когда он, сидя в своем блиндаже, вот так же достал медальон из своего походного чемодана и рассматривал его, вертя в руках.

Медальон был сработан хорошим мастером. Фото вставлялось с лицевой стороны в специально предусмотренный по всему овалу паз. С обратной стороны все выглядело так, будто бы и нет никакой возможности что-то там приоткрыть или, скажем, отковырнуть — настолько аккуратно и точно были подогнаны детали. Карл все эти годы считал, что в медальоне и не должно ничего открываться — это просто сплошной кусок металла. Но все это время он помнил о словах умирающей матери, поведавшей, что с медальоном связана некая тайна.

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

Разорвавшийся неподалеку снаряд заставил его вздрогнуть, при этом большой палец правой руки сильно надавил на обратную сторону медальона и произвел некое подобие вращательного движения. И случилось чудо. Открылась очень плотно пригнанная крышечка. То, что Карл обнаружил под ней, заставило его разочарованно присвистнуть. Когда же он детально ознакомился с содержимым медальона, то понял, что умиравшая мать ничего не придумала и упомянутая ею перед смертью тайна является сведениями, способными к вполне немифическому материальному воплощению. Охваченный радостью от внезапно свалившейся на него удачи, Карл быстро вернул все на место и в обратном порядке закрыл крышечку, потом еще долго всматривался в металлическую плоскость, удивляясь ювелирной работе мастера. Тогда же он написал письмо Инге, лишь намекнув на то, что раскрыл тайну медальона матери. Сообщить подробности он побоялся, так как опасался военной цензуры, проверяющей письма с фронта. Тогда он еще рассчитывал выжить и вернуться домой.

Сегодня все выглядело иначе. Он знал, что в тех краях, где находится их имение, давно уже хозяйничают союзники по антигитлеровской коалиции. Он чувствовал, что ему самому осталось немного жить на этом свете. Сидя на дне ямы, Карл фон Штразен размышлял над тем, как передать медальон близким. Отдать кому-нибудь из бывших товарищей по оружию? Но сейчас невозможно точно сказать, кто из них выживет и куда забросит их дальнейшая судьба. Он слышал, что лагеря скоро будут расформированы, а пленные будут переданы во французские или британские лагеря. Он также опасался того, что кто-то из своих, так же как он тогда в Нормандии, случайно может открыть медальон... Даль-

ше он не хотел даже думать... В общем, вариант передать медальон родным через бывших товарищей по оружию был неподходящим. Что делать? Какое-то решение надо принимать. Американцы двинутся дальше на восток. Отдать какому-нибудь американцу? Может быть, попадется хороший человек и передаст Инге вещи, оставшиеся от скончавшегося мужа. Выбора нет. Нужно поторопиться.

Карл выбрался из ямы и направился к проволочному ограждению. Надо присмотреться к охранникам. Главное, чтобы тот, кого он выберет, не был евреем. Он считал, что еврей ему, обер-лейтенанту вермахта, в просьбе, безусловно, откажет. За три недели пребывания в лагере он заметил, что в лагерной администрации было немало евреев, прекрасно говоривших по-немецки. Один из заключенных, побывавших на допросе, рассказывал ему, что это выходцы из Германии, в свое время успевшие бежать от нацистов за океан. Они, естественно, должны лютой ненавистью ненавидеть немцев.

Он высмотрел темно-русого скуластого сержанта и, решив, что он настоящий янки, направился к нему. Сержант, заметивший приближающегося к ограждению обер-лейтенанта, угрожающе повел в его сторону винтовкой «М1». Карл заговорил с ним по-английски. В гимназии он неплохо успевал по этому предмету.

— Извините, сержант, не могли бы вы оказать мне небольшую услугу?

— Какую?

— Я хочу дать вам пару предметов и попросить вас о том, чтобы вы передали их моей семье.

— Во-первых, обер-лейтенант, это является нарушением инструкции. Во-вторых, я не знаю, что со мной будет и смогу ли я выполнить вашу просьбу. Почему вы сами не хотите это сделать?

ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО В ЭРФУРТЕ

— Сержант, война уже закончилась, и вы, по крайней мере, останетесь в живых, а я уже долго не протяну. Я хотел бы, чтобы эти предметы стали последней весточкой от меня моим близким.

— Но я не могу вам гарантировать, что смогу выполнить вашу просьбу.

— Что ж, как получится, сержант... у меня нет выбора. Американец помолчал, колеблясь, оглянувшись по сторонам, потом спросил:

— Что это за предметы?

Карл достал из кармана и поднял над головой свои драгоценности.

— Это медальон с фотографией моей жены и фотография, где сняты жена и дочка.

— О'кей.

— Только попрошу вас, бросьте мне через проволоку какой-нибудь карандаш, я напишу адрес.

Он поднял с земли упавший карандаш, присел, положил на колено фотографию и с обратной стороны написал:

*Инга фон Штразен
Имение Лихтенберг
Айзенах
Тюрингия*

Затем, подумав, дописал:

Июнь 1945

Потом он перебросил медальон и фотографию вместе с карандашом через ограждение. Сержант, имени которого он не спросил, так как это уже не имело смысла, покрутил в руках фото и медальон и сказал:

— Сейчас там наши части, но скоро уже будут русские, обер-лейтенант... А жена у вас красивая. Я постараюсь, может быть, успею...